

НОРМАТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ДЕЛИКТЫ

***Аннотация.** В статье раскрывается юридическая природа нормативного основания конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты и ее содержание. Исследованы вопросы разграничения материальных и процессуальных норм в данной области. Представлен подробный правовой анализ структурных элементов процессуальной нормы конституционной ответственности в электоральном законодательстве (гипотезы, диспозиции и санкции), выявлены особенности, отличительные черты и проблематика их законодательного оформления. Предложены классификации норм конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты по различным основаниям.*

***Ключевые слова:** конституционно-процессуальная ответственность, нормативное основание ответственности, деликт, норма права, гипотеза, диспозиция, санкция.*

REGULATORY BASIS OF CONSTITUTIONAL PROCEDURAL LIABILITY FOR ELECTORAL DELICTS

***Abstract.** The article discusses the legal nature of the normative basis of constitutional procedural responsibility for electoral delicts and its content. The author explores issues of differentiation of material and procedural norms. In the article details legal analysis of the structural elements of the procedural norm of constitutional responsibility in electoral legislation (hypotheses, dispositions and sanctions), additionally reveals the distinctive features and problems of their legislative regulation. Author proposes classifications of norms of constitutional procedural responsibility for electoral delicts on various grounds.*

***Keywords:** constitutional procedural responsibility, normative basis of liability, delict, rule of law, hypothesis, disposition, sanction.*

Одним из оснований ответственности является наличие нормы права, которая запрещает то или иное противоправное деяние. Поскольку именно данное формальное основание является первичным звеном в механиз-

ГЕТМАНСКАЯ Ольга Юрьевна — преподаватель кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, ведущий консультант отдела избирательных споров и судебного представительства Правового управления Аппарата Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва

ме привлечения ответственности, прослеживается несомненная научная значимость его исследования. Между тем актуальность анализа данного явления предопределена усложнением электоральных правоотношений, непрерывным изменением действующего законодательства о выборах и референдумах, стремительно меняющейся правоприменительной практикой. Более того, можно отметить определенный пробел в исследуемой области в связи с тем, что ранее в науке не предпринималось попыток комплексного исследования нормативного основания конституционно-процессуальной ответственности непосредственно за такую особую разновидность конституционных деликтов, как электоральные правонарушения.

Исследование нормативного основания конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты представляется целесообразным начать с общего понятия процессуальной нормы.

В научной литературе неоднократно отмечено, что процессуальные нормы являются видом норм права и имеют все присущие им признаки [1, с. 11; 2, с. 167], что, однако, не исключает и наличия в них ряда отличительных черт [1, с. 11; 3, с. 15].

Помимо установления и охраны органами государства, общеобязательности, нормативности, формальной определенности, представительного-обязывающего характера и неоднократности действия [1, с. 11–18; 4, с. 91; 5, с. 167], процессуальные нормы выделяются также тем, что регулируют разрешение споров о праве [1, с. 85], детально регламентируют порядок реализации прав и исполнения обязанностей и обладают высокой степенью формализованности [6, с. 14; 7, 27]. В процессуальных нормах ответственности, помимо прочего, всегда определены оба субъекта [4, с. 91], присутствуют санкции, закрепляющие меры процессуальной ответственности [8, с. 9].

Полагаем, что исследуемые нами споры (юридические конфликты) в сфере электорального права также подпадают под данную категорию, хоть некоторыми авторами и не признается возможность реализации охранительных процессуальных норм вне юрисдикционного процесса [1, с. 85; 9, с. 90].

Что касается вопроса о месте процессуальных норм относительно норм материальных, то нам близка точка зрения И.В. Астафьева, который полагал, что «процессуальные нормы, с одной стороны, являются частью материальных институтов права, а с другой, — включаются в сферу процессуального права, образуя, в свою очередь, процессуальные институты, например институт избирательного права и т.д.» [10, с. 50].

Ввиду существующей законодательной техники и частой невозможности механического разделения материальных и процессуальных норм [11, с. 17], нормы процессуальной ответственности за конституционные электоральные деликты, как и многие нормы иных отраслей права, содержатся в нормативных правовых актах, имеющих смешанную материально-процессуальную природу, яркими примерами которых

являются Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» (далее — Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ), Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ), на примере которого, ввиду его рамочного характера, в большинстве своем и построено наше исследование по данному вопросу, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 20-ФЗ), Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации». Именно из-за такой особенности конструирования нормативных правовых актов в избирательном и референдумном праве очень тесна взаимосвязь между материально-правовыми и процессуально-правовыми аспектами конституционной ответственности [12, с. 79].

При этом стоит отметить, что, несмотря на тесную связь с нормами материального права, нормы процессуального права не находятся с ними в отношениях формы и содержания, а имеют самостоятельное значение, выраженное в их способности обеспечивать реализацию материальных норм сразу нескольких отраслей права и систематизировать уже сложившиеся процессуальные институты [6, с. 9,14; 11, с. 17; 13, с. 6; 14, с. 7].

Вопрос о структурных элементах процессуальной нормы является одним из самых дискуссионных в теории юридического процесса. Изучив имеющиеся подходы, можно сделать вывод, что все они делятся на категории, в которых обязательно наличие:

- 1) всех трех элементов: гипотезы, диспозиции, санкции;
- 2) гипотезы — диспозиция и санкция факультативны;
- 3) диспозиции — гипотеза и санкция факультативны;
- 4) диспозиции и санкции — гипотеза факультативна.

Подходы к данному теоретическому вопросу диаметрально противоположны и все они имеют право на существование в разрезе вида исследуемых норм, места их закрепления, функционала, отраслевых особенностей.

Во времена советской науки большинство ученых-процессуалистов разделяли точку зрения о трехчленной структуре нормы процессуального права [15, с. 226]. Некоторые специалисты придерживаются такого подхода и по сей день, однако большинство все же склоняется к возможности рассмотрения структуры процессуальной правовой нормы с позиций усеченного состава.

А.Ф. Черданцев полагает, что правовая норма обязательно должна содержать два компонента: в зависимости от того, является норма регулятивной либо охранительной, этими компонентами являются гипотеза и диспозиция либо гипотеза и санкция [16, с. 45]. Что примечательно, ученый отмечает довольно условную разницу между содержанием диспозиции и санкции, поскольку чаще всего они обе выступают как «вторая часть (соответственно регулятивной или охранительной) нормы права; и та, и другая указывают

на определенные юридические последствия (права и обязанности), на предписываемое государством распоряжение» [16, с. 45–46].

В свою очередь Р.В. Шагиева в числе обязательных родовых элементов правовой нормы называет диспозицию и санкцию, а наличие гипотезы ставит в зависимость от разновидности правовых норм [7, с. 28; 17, с. 26].

Е.В. Чуклова, напротив, отрицает существование норм процессуальной ответственности, которые содержат только два элемента. По ее мнению, «норма процессуальной ответственности состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, и только при наличии всех трех элементов она способна быть властным регулятором общественных отношений» [8, с. 18]. Придерживаясь схожей позиции в своем диссертационном исследовании, В.А. Мелихов при этом подчеркивает ведущую роль гипотезы процессуальной нормы [18, с. 21].

Однако встречаются и такие случаи, когда в качестве необходимого минимума для процессуальных норм выделяется одна лишь диспозиция [19, с. 57].

Л.С. Жакаева указывает, что непосредственно конституционным процессуальным нормам присуще «наличие диспозиции либо диспозиции и гипотезы одновременно, поскольку они, развивая содержание одноименных (основных) материальных норм, определяют (и детализируют) порядок осуществления правоприменения» [20, с. 71]. Также автор выражает несогласие с В.А. Виноградовым в отношении наличия в структуре конституционно-процессуальных норм санкции, предусматривающей соответствующие меры ответственности, указывая на тот факт, что эти нормы лишь регламентируют порядок реализации данной ответственности [21, с. 98]. Мы не можем поддержать подобную точку зрения, поскольку в электоральном законодательстве отчетливо прослеживается наличие санкций, структурно включающих в себя перечень мер ответственности за тот либо иной деликт, при этом их процедурная реализация зачастую широко выходит не только за пределы данной нормы, но и уходит в область актов иной иерархии и отраслевой принадлежности.

Пожалуй, не смотря и на более мягкие утверждения о том, что не все, а большая часть процессуальных норм конституционного права не имеет санкций [13, с. 12], именно этот элемент и является наиболее важным для нашего исследования, поскольку непосредственно нормы процессуальной ответственности за конституционные электоральные деликты всегда содержат в себе санкцию, которая, в свою очередь, включает в себя меры процессуальной ответственности. При этом важно подчеркнуть их нетождественность, поскольку роль санкций — непосредственное закрепление осуждения со стороны государства за совершение конкретного деликта и форм выражения этого осуждения [22, с. 85].

Полагаем, что без санкции норма права становится бездейственной. Она является необходимым элементом норм процессуальной ответственности

и именно в этом заключается ее отличие от процессуальных норм, содержащих меры защиты, а не ответственности.

Место санкции среди иных элементов процессуальной нормы также вызывает многочисленные споры. Довольно единодушно учеными отмечается как часто встречающаяся раздробленность элементов одной правовой нормы в рамках одного или нескольких правовых актов (в результате чего порой эти элементы возможно вывести лишь логическим путем) [23, с. 65], так и высокая релятивность процессуальных норм, способность их структурных элементов перетекать в другие нормы и играть там иную либо общую для них роль [5, с. 178; 6, с. 15; 24, с. 21].

Указанные особенности более всего характерны именно для санкций процессуальных норм. Как отмечает Л.В. Колобкова, санкции процессуальных норм выражены либо в других статьях закона, либо выводятся логическим путем [6, с. 15]. По мнению Е.А. Мотовилокера, санкция вообще может быть логически не связана с гипотезой и диспозицией, поскольку основывается на отрицании установленного правила поведения (диспозиции) [25, с. 7]. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие другие ученые [11, с. 18; 26, с. 292; 27, с. 358–359; 28, с. 133; 29, с. 129].

Проанализировав имеющиеся подходы к пониманию структуры процессуальной нормы, можно отметить, что процессуальные нормы, регулирующие конституционную ответственность за электоральные деликты, имеют собственную ярко выраженную специфику. Как и большинство ученых в приведенных нами ранее точках зрения, полагаем, что нормативное основание конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты имеет место лишь при наличии всех трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Иными словами, каждый раз должна срабатывать формула с оговорками «если..., то..., иначе...».

Между тем в исследуемых нами электоральных правоотношениях хоть такая формула и существует, однако для того, чтобы ее вывести, следует провести разбор конкретной нормы и перефразировать ее, потому что процессуальные нормы, закрепляющие ответственность за электоральные деликты, скорее построены по модели «если не..., то...». В части «если не...» присутствуют гипотеза и диспозиция (порой до степени смешения), а в части «то...» санкция. Получается следующая модель: «Если при наличии данных условий не будут выполнены обозначенные требования, то субъект понесет указанное наказание». Стоит отметить, что данная формула зачастую изложена законодателем в электоральных нормативных правовых актах в обратном порядке, то есть первым идет указание на негативное последствие, которое может быть реализовано, если не будут выполнены при конкретных обстоятельствах определенные требования.

Рассмотрим нормативное основание исследуемой нами ответственности на примере отмены решения комиссии об отказе в регистрации кандидата.

В данном случае нормативное основание регулируется пунктом 6 статьи 76 Федерального закона № 67-ФЗ. Формула «если не..., то...» представлена довольно четко: если будет установлено, что решение не было принято избирательной комиссией в соответствии с требованиями, предусмотренными пунктом 24 статьи 38 Федерального закона № 67-ФЗ, иными требованиями, предусмотренными Федеральным законом № 67-ФЗ, иным законом, то решение избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата может быть отменено судом либо избирательной комиссией в порядке, предусмотренном статьей 75 указанного Федерального закона, по заявлению кандидата.

Как мы видим, гипотеза в данном случае является сложной (норма вступает в действие при наличии двух условий: совершенного деликта и заявления от кандидата), диспозиция является отсылочной (отсылает к нарушению требований пунктов 24–26 статьи 38 Федерального закона № 67-ФЗ либо иных требований данного Федерального закона) и бланкетной (отсылает к иным законам) одновременно, а санкция представлена в виде абсолютно определенной.

Также стоит отметить, что данная норма является сложной: помимо рассмотренного нами случая она одновременно регулирует также и случаи отмены решения избирательной комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов) и об отказе в регистрации списка кандидатов. Такая законодательная техника зачастую представляет сложность при уяснении смысла нормы обычными гражданами, однако полностью оправдана с точки зрения систематизации норм одной природы в рамках нормативного правового акта.

Также довольно специфично построение самой нормы (в порядке, изложенном в Федеральном законе № 67-ФЗ, а не представленном нами выше): начинается с санкции и заканчивается гипотезой с диспозицией, сложно отделимых одна от другой.

Между тем несмотря на сложность правильной (с научной точки зрения) формулировки нормативного основания конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты, на практике оно происходит именно в том порядке, который был нами представлен. Наиболее показательной в данном случае является практика Верховного Суда Российской Федерации¹, логика формулировки нормативного основания ответствен-

¹ См. например Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2019 года № 78-АПА19-53, вынесенное по апелляционным жалобам Богданова Александра Алексеевича и избирательной комиссии внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципального округ Введенский на решение Санкт-Петербургского городского суда от 16 августа 2019 года, которым отказано в удовлетворении административного иска Богданова Александра Алексеевича о признании незаконным и отмене решения Санкт-Петербургской избирательной комиссии от 2 августа 2019 года № 126-3, которым отменено решение избирательной комиссии внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципального округ Введенский от 26 июля 2019 года № 75-07/2019 и Хусу П.М. зарегистрирован

ности в решениях которого происходит именно по формуле «если не..., то», в которой последовательно обосновываются гипотеза, диспозиция и санкция.

Рассмотренный нами пример нормативного основания отмены решения комиссии об отказе в регистрации кандидата показал, что в одной норме возможно наличие всех трех элементов (при отсылочной, бланкетной диспозиции).

Относительно каждого из элементов структуры норм конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты в отдельности можно выделить следующие особенности.

В исследуемой области чаще всего можно выделить абстрактные гипотезы, однако встречаются нормы, включающие в себя казуистическую гипотезу, к примеру, пункт 7 статьи 29 Федерального закона № 67-ФЗ допускает приостановление полномочий члена избирательной комиссии с правом решающего голоса только в том случае, если такое приостановление не приведет к тому, что комиссия останется в неправомочном составе (при этом диспозиция в данном нормативном основании является отсылочной). Порой такая гипотеза рассредоточена сразу в нескольких нормах одной статьи (например, в случае расформирования избирательной комиссии в порядке статьи 31 Федерального закона № 67-ФЗ, пунктами 2–5 регулируются условия подачи заявления о расформировании).

Встречаются и нормативные основания, в которых невозможно отделить гипотезу от диспозиции. К примеру, в случае отмены решения о передаче депутатских мандатов региональной группе кандидатов и перераспределении указанных мандатов внутри федерального списка кандидатов (часть 11 статьи 100 Федерального закона № 20-ФЗ). Аналогичная ситуация складывается и в нормативном основании отмены решения об итогах голосования, о результатах выборов, референдума. В пунктах 1 и 1¹ статьи 77 Федерального закона № 67-ФЗ фактически одна диспозиция приходится на обе нормы, которая при этом трудноотделима от гипотезы.

Как мы видим, для большинства диспозиций нормативных оснований конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты характерен отсылочный либо бланкетный характер (порой в диспозиции содержатся обе эти модели). Такие диспозиции, с одной стороны, делают правоприменение сложнее, а с другой, — дают правомочному субъекту возможность действовать на свое усмотрение в пределах конкретных правовых границ [27, с. 354].

Для диспозиций процессуальных норм в принципе характерно наличие указания на временные рамки процессуальных действий, поскольку это предопределено задачами процессуальной деятельности [17, с. 27].

кандидатом в депутаты Муниципального Совета внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ Введенский шестого созыва по многомандатному избирательному округу № 179.

В нашем случае диспозиции нормативного основания электоральной ответственности также не являются исключением, более того, для них характерна отсылка к конкретной стадии избирательного (референдумного) процесса.

Пожалуй, наибольшую значимость среди всех элементов структуры норм ответственности в исследуемой области имеет санкция. Как правило, именно с нее и начинается формулировка нормативного основания в нормативном правовом акте, — лишь некоторые случаи являются исключением. Примечательно, что санкциям процессуальных норм конституционной ответственности за электоральные деликты всегда свойственно прямое изложение и абсолютная определенность, при этом они могут быть как альтернативными, так и безальтернативными.

По мнению Е.Г. Лукьяновой и Ю.И. Мельникова, специфика последствий санкций процессуальных норм выражается преимущественно в таких последствиях, как отмена правоприменительного акта, принятого с нарушениями, либо аннулирование результатов каких-либо действий, совершенных в нарушение диспозиции [5, с. 174; 11, с. 18].

Санкциям процессуальных норм конституционной ответственности за электоральные деликты также свойственны указанные особенности, однако одним из основных последствий является поражение в том или ином объеме конституционного статуса субъекта электорального процесса, совершившего правонарушение. При этом, как справедливо отмечает Р.В. Шагиева, в диспозициях зачастую определяются пределы прав правоприменителя относительно иных лиц и органов и одновременно на них возлагается обязанность использовать предоставленные права для достижения поставленных целей [17, с. 29].

Полагаем, что в санкции процессуальных норм изложение указанных пределов права возможно исключительно в виде обязанности их соблюдения, поскольку санкция по своей сути является императивным элементом структуры нормы права, не допускающим реализацию процессуальной ответственности в зависимости от воли уполномоченного органа или лица. Иное повлекло бы волюнтаризм правоприменителя, что явно противоречит основополагающим принципам права.

Между тем ряд санкций процессуальных норм конституционной ответственности за электоральные деликты сформулирован именно в диспозитивной форме². Используются следующие формулировки: избирательная комиссия вправе (может) обратиться в суд (отменить решение), решение может быть отменено судом, комиссия может быть расформирована судом. На практике такие положения ранее сильно не влияли на исход рассмо-

² См., например: ч. 1 ст. 89 Федерального конституционного закона № 5-ФКЗ; пп. 6–9, 12 ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ; п. 10 ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ; ч. 10 ст. 100 Федерального закона № 20-ФЗ, п. 8 ст. 77 Федерального закона № 67-ФЗ; п. 1 ст. 31 Федерального закона № 67-ФЗ; пп. 1–2 ст. 77 Федерального закона № 67-ФЗ; пп. 3 ст. 77 Федерального закона № 67-ФЗ.

тения дела уполномоченным органом, однако в будущем представляется целесообразным изменение указанных моделей построения санкций с диспозитивных на императивные в целях устранения возможного их некорректного использования. Как было справедливо указано Е.Г. Лукьяновой, «как диспозиция, охранительная процессуальная норма определяет, что вправе требовать управомоченный субъект процесса от обязанного лица, не желающего исполнять требования закона. В качестве санкции именно такое правило обеспечено мерами принуждения. Причем в качестве санкции такое правило выступает по отношению к обязанному лицу, к лицу, допустившему нарушение. С позиции же управомоченного такое правило остается диспозицией. Поэтому несоблюдение управомоченным такой диспозиции влечет за собой вступление в действие нормы, обладающей всеми свойствами охранительного предписания» [5, с. 179–180].

В нашем случае неисполнение уполномоченным органом «размытой» санкции не влечет для правоприменителя негативных последствий, которые могут наступить только в том случае, если будет доказано, что с его стороны были допущены незаконные действия (бездействие), повлекшие ущерб электоральным правам заявителя. Что опять же является довольно сложным процессом в совокупности с абстрактностью предписания (обязанности) для правоприменителя действовать тем или иным образом.

Довольно специфическим моментом является и то, что санкции процессуальных избирательных и референдумных норм, закрепленных по большей части в электоральном законодательстве, конкретизируются также статьей 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, которая во многом их дублирует.

Также стоит отметить, что порядок применения санкций в электоральном процессе жестко регламентирован и отличается особой стадийностью и конкретно определенным набором возможных мер. Как справедливо было отмечено В.А. Виноградовым, в настоящее время нарушение многих конституционных норм не влечет за собой негативных последствий, однако при этом в виде исключения можно выделить избирательное право, в котором конституционная ответственность разработана более прогрессивно [30, с. 54–62].

Особому порядку применения процессуальных санкций за электоральные деликты корреспондирует четкая законодательная определенность сроков, в течение которых к правонарушителю могут быть применены соответствующие меры ответственности, что несколько отличается от чисто конституционных правоотношений, в которых данные сроки зачастую либо не устанавливаются, либо размыты (порой это связано с дилатационным характером конституционных деликтов).

Несмотря на присущую им, как и всем конституционно-процессуальным санкциям, фрагментарность и разрозненность их нормативного оформления, все процессуальные санкции электорального законодательства либо

содержатся в Федеральном законе № 67-ФЗ, либо корреспондируют ему, как рамочному закону в данной области.

Подводя итог разбору структуры норм конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты, можно сделать вывод о том, что по составу их можно классифицировать следующим образом:

1) нормы права, имеющие в своем составе прямое изложение всех трех элементов;

2) нормы права, имеющие в своем составе бланкетное и (или) отсылочное изложение одного из элементов (как правило, диспозиции);

3) нормы права, не имеющие в своем составе одного элемента, который выводится логическим путем из другой (как правило, соседней) нормы;

4) нормы права, в которых гипотеза и диспозиция выступают в качестве единого, неделимого элемента.

Между тем возможны и иные критерии для классификации.

К примеру, по функциональной направленности можно выделить следующие: карательные; имеющие смешанный характер (карательные и правовосстановительные одновременно); предупредительные.

Так в конституционных правоотношениях выделяют следующий набор санкций: правовосстановительные, предупредительные, карательные, пресекающие конституционные деликты [31, с. 125]. Конкретно же для электоральных правоотношений характерно тесное переплетение именно карательного и правовосстановительного механизмов, поскольку, к примеру, в избирательном процессе отмена незаконного акта (карательная функция в отношении органа, принявшего его) автоматически восстанавливает в правах субъекта, в отношении которого данный акт был принят.

Предупредительная норма встречается в единственном виде в пункте 5¹ статьи 20 Федерального закона № 67-ФЗ. Несмотря на значительную дефектность данного положения и необходимость его законодательной доработки, полагаем, что оно регулирует именно аспекты процессуальной ответственности за электоральные деликты, по своему составу не подпадающие под существующие нормы с конкретными санкциями за их нарушение.

По компетенции властного субъекта можно выделить нормы: юрисдикционные и неюрисдикционные.

По субъектам взаимодействия можно выделить нормы, регулирующие процессуальные правоотношения ответственности:

1) между судом и избирательной комиссией;

2) между судом и иными участниками избирательного процесса;

3) между избирательными комиссиями;

4) между избирательными комиссиями и кандидатами / избирательными объединениями / наблюдателями / членами избирательных комиссий.

По времени действия нормы являются действующими: в пределах срока исковой давности; в пределах периода конкретной стадии избирательного (референдумного) процесса.

Приведенные классификации не являются исчерпывающими и их изучение, несомненно, представляет интерес для дальнейших научных исследований.

Изложенное подводит нас к выводу о том, что нормативным основанием конституционно-процессуальной ответственности за электоральные деликты следует считать норму права, содержащую описание условий ее действия (гипотезу), закрепляющую конкретные требования (диспозицию) и устанавливающую негативную ответственность субъекта электорального процесса, нарушившего данные требования (санкцию). При этом гипотеза нормы может быть абстрактной и казуистической, простой и сложной; диспозиция может быть прямой (описательной), отсылочной и (или) бланкетной; санкция прямой, абсолютно определенной или альтернативной. Гипотеза и диспозиция могут составлять единый неделимый элемент либо по отдельности действовать в пределах нескольких норм одновременно.

Стоит отметить, что от процессуальных норм конституционной ответственности за электоральные деликты и формы их закрепления во многом зависит работа всего механизма органов государственной власти, легитимность избирательной системы, реализация субъектами электорального процесса принадлежащих им прав и обязанностей.

Полагаем, что нормативное основание регламентации конституционной ответственности за электоральные деликты находится на особом, специфическом пути развития. Сложность системы норм данного вида ответственности предопределяет высокие требования к культурному уровню правоприменителя и субъектов электорального процесса. В дальнейшем совершенствовании нуждаются диспозиции и санкции процессуальных норм в рамках их конкретизации и оформления в императивно-определенном изложении, поскольку наступление ответственности должно следовать исходя из фактических обстоятельств, а не исходя из субъективного усмотрения уполномоченного лица. Также представляется целесообразным издание кодифицированного акта, включающего логичное, структурированное и упрощенное изложение процессуальных норм конституционной ответственности за электоральные деликты, а равно предусматривающего уменьшение бланкетных и отсылочных норм.

Список литературы

1. Борисова Л.Н. Общая теория процессуальных норм права: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
2. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.
3. Лазарев В.В. Роль процессуальных норм в обеспечении эффективности правоприменения. В кн. Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976.
4. Липинский Д.А. Процессуальная ответственность: монография / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова. Москва: Юрлитинформ, 2013.

5. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. 2-е изд. М.: Норма, 2004.
6. Колобкова Л.В. Процессуальные нормы в российском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.
7. Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации. М.: НОРМА, НИЦ ИНФРА-М, 2019.
8. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
9. Донцова К.Б. Понятие процессуальных норм в общей теории права: к продолжению дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6.
10. Астафьев И.В. Соотношение процессуальных и материальных норм в конституционном праве Российской Федерации // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. т. 151, кн. 4.
11. Мельников Ю.И. Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1976.
12. Шведа В.В. Проблемы закрепления в законодательстве о выборах принципов ответственности по избирательному праву // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 4.
13. Астафьев И.В. Процессуальные нормы конституционного права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.
14. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998.
15. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
16. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1.
17. Шагиева Р.В. Процессуально-правовые нормы и их реализация в современном обществе. Люберцы: РГСУ, 2013.
18. Мелихов В.А. Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
19. Макогон Б.В. Структурно-качественные характеристики процессуально-правовых норм // Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2017. № 5.
20. Жакаева Л.С. О структуре конституционно-правовой процессуальной нормы // Юридический мир. 2008. № 8.
21. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000.
22. Липинский Д.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2019.
23. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
24. Лейст О.Э. К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. М., 1962. Вып. 15.
25. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права [Текст] / Е.Я. Мотовиловкер. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.

26. Ляхова А.И. Особенности структуры процессуально-правовой нормы // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 апр. 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016.
27. Сидоренко О.А. Особенности структуры процессуально-правовой нормы // Проблемы законности. 2012. № 119.
28. Тихомиров Ю.А. Действие закона. М.: Известия, 1992.
29. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995.
30. Виноградов В.А. Конституционно-правовые санкции // Законодательство. 2001. № 12.
31. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.